

**РЕФЛЕКСИЯ ПО ПОВОДУ ДВОРЯНСКОГО СТАТУСА МЕМУАРИСТА
В ВОСПОМИНАНИЯХ О СОБЫТИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX –
НАЧАЛА XX ВЕКА**

*Работа представлена кафедрой дореволюционной отечественной истории
Кубанского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор С. С. Минц

В статье освещается проблема формирования представлений мемуаристов-дворян, которые описывали детство, о своем социальном статусе, об условиях, оказавших влияние на усвоение детьми этого базового понятия.

Ключевые слова: *рефлексия, дворянство, мемуары, социальный статус, детство, мировоззрение, модернизация, идентичность, историческая психология.*

MEMORIALISTS' REFLEXION ON THE NOBILIARY STATUS IN OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY AND THE EARLY 20TH CENTURY

The article covers the ideas of memorialists-nobles, who depicted their childhood, about their social status and conditions that influenced children's apprehension of this basic concept.

Key words: *reflexion, nobility, memoirs, social status, childhood, world outlook, modernisation, identity, historical psychology.*

Российское дворянство в XIX – начале XX вв. сохраняло черты традиционализма и было склонно к консерватизму. Эволюция сословия, распространение образования и особенности социальной российской действительности сделали его основной силой, которая могла вести страну по пути модернизации. Родившиеся и выросшие в первой половине XIX в., дворяне, чья взрослая жизнь протекала во второй половине столетия, нередко демонстрировали образцы жизни, деятельности и мировоззрения, в значительной степени чуждые их предыдущим поколениям. Многим дворянам, родившимся на рубеже XIX–XX вв., стало казаться, что их статус не имел решающего значения в жизни. Представление о своем социальном статусе является частью понятия идентичности, и его изменение является сдвигом базового понятия в самосознании представителей высшего сословия. Процесс этот нашел соответствующее отражение в мемуаристике.

В данном историко-психологическом исследовании будет сделана попытка ответить на вопросы: кто были эти авторы; в какой форме в воспоминаниях конца XIX–XX вв. высказано отношение авторов к своему дворянскому статусу; почему они сочли необходимым осветить отношение к своему происхождению.

Если взглянуть на дальнейшую судьбу авторов использованных в работе воспоминаний о детстве, то несложно заметить, что все они, несмотря на разное внутрисословное по-

ложение и достаток, занимались революционной деятельностью (П. А. Кропоткин) и поддерживали установление советской власти, активно с ней сотрудничая (И. И. Ясинский, А. А. Игнатъев, Е. А. Мещерская, Т. Г. Морозова). Не отказываясь от дворянского статуса, авторы дали понять, что он перестал быть для них абсолютной ценностью. Как показывали сами мемуаристы, психологическая основа этой перемены была заложена обстоятельствами их детства.

Оставшись в России после 1917 г., они не могли или не хотели отказаться от своего статуса. Из чувства самосохранения, не поступившись достоинством, дворяне должны были, создавая мемуары, высказать личное отношение к своему происхождению. Решить такую проблему было легче всего, опираясь на детские воспоминания, давая понять, что это не созданное в угоду политической ситуации мнение, а оно всегда присутствовало в их жизни. Авторы присоединяли оттенок насмешки к характеристике своего статуса или подчеркивали те черты своего детства, которые должны идти вразрез с представлениями советского читателя о дворянстве.

Оттенок насмешки при описании происхождения чувствуется в мемуарах о детстве писателя И. И. Ясинского. Рассказ о своем статусе он начинает полушутливо, говоря об отце: «По происхождению он был поляк и, как все поляки, разумеется, с длинной родословной» [6, с. 8]. Далее следует серьезная

историческая справка, а потом опять возвращается ирония: «Все эти данные преисполнили моего отца великим польским чванством, что не помешало ему многие знаменитые семейные документы держать на чердаке, а родословную на пергаменте <...> подарить профессору Рейпольскому, прославившемуся <...> своими чудачествами... Эти документы <...> расхищались дворовыми мальчишками как никому не нужные, и мне из них клеили змеев» [6, с. 9]. Такие эпизоды детства И. И. Ясинский использовал при создании произведения, чтобы дать понять читателю собственное отношение к своему статусу.

Вопрос о происхождении и отношении к нему в детстве четко звучит в воспоминаниях Т. Г. Морозовой, бывшей воспитанницы Харьковского института благородных девиц: для нее эта проблема была настолько важна, что она написала главу «Наше сословное самосознание...» [4, с. 426]. Мемуаристка характеризовала не только свое, но и отношение одноклассниц к дворянскому статусу. Она вспоминала, что «от “простонародья” мы были отделены резкой чертой. Но родовитостью, знатностью ученическая среда нашего института не отличалась. Я думаю, что многие из нас даже плохо себе представляли, что такое дворянство» [4, с. 426]. Т. Г. Морозова вспоминала, что в стенах института девочки «различали друг друга не по родовитости, знатности и богатству, о которых и не ведали, а по уму, доброте, красоте, общительности, даже по успехам в занятиях – по человеческим качествам» [4, с. 426]. Помещики и дворяне для них – «литературные герои», казавшиеся «далеким прошлым». О себе мемуаристка писала: «Я, городская жительница, никак не связанная с дворянским поместьем, <...> не знала, что я дворянка» [4, с. 426]. Однако она почти тут же опровергает себя. О своей однокласснице Лизе Савич мемуаристка пишет: «...дочь богатого помещика» [4, с. 427]. Также она рассказывает о том, какое впечатление произвело на класс сооб-

щение, что другая ее одноклассница носит имя Ганна. Она поясняет, что вызвало удивление: «...ведь это совсем простонародное имя, деревенское, украинское...» Оказалось, что имя было неправильно прочитано при беглом просмотре классного журнала. Одноклассница, имя которой вызвало изумление, пояснила: «Там написано “Галли”, а не “Ганна”». Мои предки – шведы, отсюда мои нерусские фамилия и имя» [4, с. 427]. Галли Гесс де Кальве, несмотря на «неведение», зафиксированное мемуаристкой выше, отвергла попытку заподозрить ее в «простом» происхождении. Сама Т. Г. Морозова тоже, якобы не зная, что они учатся в заведении для дворян, изумилась, когда узнала от матери, что дочь отцовского фельдфебеля принята в их институт. Она знала, что это был «серьезный, но совершенно простой человек» [4, с. 428]. Чего она действительно не знала – так это того, что «за эти годы папин фельдфебель, участник войны, мог получить офицерский чин» [4, с. 428]. Т. Г. Морозова признает, что «да, некоторые сословные предрассудки и, вероятно, не у одной меня и, может быть, больше, чем у меня, у нас были» [4, с. 428]. Это показывает, что у мемуаристки в период ее детства представление о своем происхождении было неотрефлексированно. Статус ею воспринимался как жизненная реальность, не требующая осмысления. При создании мемуаров отсутствие осмысленного отношения к нему автор принимает за собственное «неведение». Эта неопределенность в толковании принадлежности к высшему сословию подтверждает то, что сам статус в глазах носителей утратил значение. В конечном итоге, заканчивая главу о самосознании институток, Т. Г. Морозова признает своей средой интеллигенцию [4, с. 429].

Отношение к происхождению могло быть высказано мемуаристом через отношения с родителями, что ярко проявляется в воспоминаниях П. А. Кропоткина. Взаимоотношения отца и младших сыновей в семье

мемуариста были далеки от идиллии. Мать умерла, а отец женился вторично. Новая жена хотела изжить всякую память о прежней хозяйке. Были прерваны все отношения с родней покойной [2, с. 51]. Все это имело немалое значение при усвоении детьми своего статуса. Но в еще большей степени усомниться в благородстве отца заставили его рассказы о военной службе. Как узнал мемуарист в детстве, его отец все время службы проводил без служебных обязанностей при штабах, а история получения единственного ордена детей возмутила. Кропоткину-старшему вручили орден за то, что его крепостной спас из горящего дома ребенка. Дети заметили это отцу. Мемуарист вспоминал: «Так что ж такое, – отвечал отец наивнейшим образом. – Разве он не мой крепостной? Ведь это все равно» [2, с. 46]. Но детям было уже не все равно и в их представлении благородство скорее было присуще слуге, нежели отцу-князю. Детские воспоминания сыграли не последнюю роль, когда П. А. Кропоткин, вставший на революционный путь, показал, сколь малоценен статус дворянина для него, что и зафиксировал в момент создания мемуаров на страницах воспоминаний о детстве.

Некоторые авторы, не отказываясь от своего происхождения, пытаются показать, что с детских лет они не противопоставляли себя народу. Под таким углом зрения представляют свой статус А. А. Игнатъев [1, с. 32] и И. И. Ясинский [6, с. 38]. В их семьях детей заставляли работать наравне с простолюдинами. При написании мемуаров, ориентированных на советского читателя, авторы старались показать, что с детства были готовы к тому, что их сословный статус может потерять актуальность, поэтому они делали акцент на соответствующих обстоятельствах быта своих семей и детства.

Во второй половине XIX – начале XX в. образование стало нормой, как и самообразование. Широкая образованность способство-

вала развитию критического отношения к действительности, и многих из дворянской молодежи увлекало на путь революционной деятельности или заставляло общаться с революционерами, ставя под сомнение сам статус и те ценности, которые наполняли его смыслом. Так, княгиня Мещерская несколько месяцев скрывала у себя бежавших с каторги революционеров [3, с. 227]. Контакты с ними в поместье поддерживала она и ее десятилетняя дочь Катя, а четырнадцатилетний сын Вячеслав общаться с ними не желал и порицал сестру за это общение, не смея, правда, сказать того же матери: «Нашла себе друзей, нечего сказать» [3, с. 228]. После 1917 г. княгиня Мещерская с дочерью остались в России, не считая жизнь при новой власти несовместимой со своим дворянским статусом, а князь Вячеслав Мещерский покинул Россию.

Сдвиг в восприятии такого базового понятия мировоззрения дворян, как ценность собственного статуса, отражает ход общих изменений, происходивших в социальной жизни России второй половины XIX – начала XX вв. Как в первой половине XIX в. «дворянство использовало любые заимствованные факты именно для того, чтобы в качестве “благородного” сословия оттолкнуться от “подлого” народа [5, с. 143], так и во второй половине XIX – начале XX вв. с той же энергией значительная часть дворянства стремилась преодолеть пропасть между ним и иными сословиями.

Когда перед человеком возникает проблема и он стремится доказать обществу ее важность, то им всегда предпринимается попытка «удревнить» происхождение проблемы, доказать длительность ее существования во времени. Если же она носит личный характер, то доказательство ее длительного присутствия в жизни человека заставляют показать ее наличие в самом «древнем» периоде жизни – детстве. Для мемуаристов, оставшихся в России после 1917 г., вопрос об их отношении к своему статусу очень важен.

На его решение влияло мнение среды: интеллигенции, революционеров и советских читателей, которым авторы воспоминаний адресовали свои произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Советский писатель, 1951. Т. 1. 611 с.
2. *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М.: Мысль, 1966. 504 с.
3. *Мещерская Е.* Трудовое крещение // Новый Мир. 1988. № 4. С. 198–243.
4. *Морозова Т. Г.* В институте благородных девиц // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 389–506.
5. *Шипилов В.* «Благородство» против «подлости» (Специфика формирования сословной культуры русского дворянства) // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 132–144.
6. *Ясинский И. И.* Роман моей жизни. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. 370 с.